

Жизнь Пушкина

ПУШКИН И АЛЕКСАНДРИНА

ЗАПРЕТНАЯ
ЛЮБОВЬ ПОЭТА

НИКОЛАЙ
РАЕВСКИЙ

Жизнь Пушкина

Николай Раевский

**Пушкин и Александрина.
Запретная любовь поэта**

«Алисторус»

2012

Раевский Н. А.

Пушкин и Александрина. Запретная любовь поэта /
Н. А. Раевский — «Алисторус», 2012 — (Жизнь Пушкина)

Александра Гончарова, в замужестве баронесса Фогель фон Фризенгоф, средняя из сестер Гончаровых, родилась годом раньше жены поэта. Александрина отличалась высоким ростом, сложением своим походила на Наталию Николаевну, но легкое косоглазие Натали, придающее прелесть ее задумчивому взору, у сестры преобразалось в косою взгляд, по свидетельству современников, отнюдь не украшавший девушку. Как писала Александра Арапова, дочь Наталии Николаевны от второго брака, люди, видевшие обеих сестер рядом, находили, что именно это «предательское сходство» служило в явный ущерб Александре Николаевне. Тем не менее, в пушкинистике существует версия о том, что свояченица Пушкина была не просто влюблена в поэта – их связывали интимные отношения. Знаменитый писатель-пушкинист Николай Раевский (1894–1988), посетивший замок Бродзяны в Словакии, где почти сорок последних лет своей жизни прожила Александра Николаевна Фризенгоф, подтверждает эту версию.

© Раевский Н. А., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Николай Раевский. В ЗАМКЕ А. Н. ФРИЗЕНГОФ-ГОНЧАРОВОЙ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Алексеевич Раевский

Пушкин и Александрина.

Запретная любовь поэта

Николай Раевский. В ЗАМКЕ А. Н. ФРИЗЕНГОФ-ГОНЧАРОВОЙ

В начале тридцатых годов, находясь в Праге, я получил сведения о том, что где-то в Словакии проживает родная дочь Александры Николаевны Гончаровой, в замужестве баронесса Фогель фон Фризенгоф. Мне назвали и ее фамилию – герцогиня Лейхтенбергская. Адреса я не спросил – рассчитывал сейчас же найти его в Готском альманахе. К моему удивлению, нужной мне герцогини Лейхтенбергской там не оказалось. У меня были, однако, основания верить тому, что дочь Александры Николаевны действительно жива и изредка переписывается с одной дальней русской родственницей. Год шел за годом. Настоящей фамилии герцогини, которую от меня, несомненно, скрывали, мне не удалось узнать. Наконец, в 1936 году, перелистывая «Русский архив»¹, я наткнулся на заметку П. И. Бартенева, где говорилось о том, что у Александры Николаевны была единственная дочь-красавица, которая вышла замуж за герцога Ольденбургского². В Готском альманахе на этот раз я без труда нашел нужные мне сведения.

Баронесса Наталья Густавовна Фогель фон Фризенгоф родилась в 1854 году в Вене и в 1876 году вышла замуж за герцога Антуана Гонтье Фредерика Элимара Ольденбургского (1844–1885). Проживает в замке Бродяны (Brod'any) у Вельке Белице (Vel'ké Bielice).

Надо было торопиться – дочери Александры Николаевны шел девятый десяток. Никто из моих иностранных знакомых, принадлежавших к тому же кругу, что и герцогиня Наталья³, лично ее не знал. Престарелая владелица словацкого замка давно уже жила в нем безвыездно.

В конце концов, я решил не дожидаться больше рекомендаций и 24 декабря 1936 года написал в Бродяны письмо, в котором просил Наталью Густавовну сообщить мне, не имеется ли в ее архиве каких-либо бумаг Пушкина или его жены. Наталью Николаевну ее племянница могла видеть, лишь будучи маленькой девочкой, но все же я писал: «Avec une emotion profonde je pense que peut-être Vous avez vous même connu Madame Votre tante et que sans doute, en ce cas elle a laise quelques souvenirs personnels dans Votre memoire»⁴.

Больше всего меня, конечно, интересовали воспоминания Натальи Густавовны о ее матери, но в первом же письме касаться этого вопроса было неудобно.

Ответ долго не приходил. Я думал уже, что, за отсутствием соответствующей рекомендации, его вообще не будет. Наконец я получил из Бродяны письмо от 28 января 1937 года⁵, первые же строки которого очень меня огорчили. Внук герцогини, молодой тогда венгерский граф Георг Вельсбург писал мне: «La réponse à votre très aimable lettre a été en retard à cause de la mort subite de ma grand'mère le 9 janvier. Ma grand'mère a toujours voulu vous remercier eile même en disant quelle regrettait beaucoup de ne pas pouvoir vous donner des informations sur Pouchkine parce que sa mere n avait jamais voulu parier de ce sujet delicat concernant sa soeur.

«Moi même je regrette de ne pas savoir plus parce que je m'intéresse beaucoup à ce grand homme»⁶.

Навсегда исчезла надежда встретиться с дочерью Александры Николаевны или по крайней мере списаться с ней. К сожалению, если кто-либо из пушкинистов и знал о существовании

деревни и замка Бродзяны, то никто не позаботился вовремя о том, чтобы повидать и порасспросить его владелицу. Наталья Густавовна прожила там большую часть своей долгой жизни.

Все же письмо Вельсбурга содержало интересное сообщение – Александра Николаевна никогда не говорила с дочерью о Пушкине. К этому факту я еще вернусь ниже.

В том же письме правнук Александры Николаевны упоминал о том, что у него хранится альбом, «contenant des aquarelles représentant les familles de Pouchkines, Lanskoj etc.»⁷.

Все это было чрезвычайно интересно. Я обменялся с Вельсбургом несколькими письмами. В одном из них (8 марта 1937 года)⁸ он сообщил мне, что альбом принадлежал его прабабке и что в нем имеются портреты жены и сыновей Пушкина, но не его самого.

В следующем, 1938 году я получил приглашение посетить Бродзяны во время пасхальных каникул. Готовясь к поездке, я тщательно обдумал, о чем можно говорить в Бродзянах и о чем следует умолчать в семье потомка Александры Николаевны. Моей целью было проложить дорогу в этот замок для будущих исследователей-пушки-новедов.

Автомобиль бежит по опрятному шоссе и переезжает через мутную в эту пору, узкую речку Нитру. Долина между двух холмов. На отлогом склоне – белая часовня, кажется протестантская.

«– Наш фамильный склеп. Там похоронена и бабушка...

– А где покоится ее мать, Александра Николаевна?

– Тоже там... Потом я покажу вам и склеп».

Первый результат моей поездки... Я, конечно, узнаю и дату смерти Александры Николаевны. До сих пор было лишь известно, что в 1887 году она была еще жива⁹. О месте погребения сведений тоже не было.

Вот и ворота старого парка. Они открыты. Очень напоминают знакомый всем по фотографиям въезд в Ясную Поляну – те же белые приземистые столбы. Машина останавливается у подъезда. Открывается тяжелая дубовая дверь со старинным железным кольцом, вставленным в львиную пасть. Я не без волнения переступаю порог замка, в котором жила и умерла Александра Николаевна.

Вельсбург представляет меня своей жене и ее матери. Дамы приветливо встречают русского гостя. Родной язык хозяек – немецкий, но я владею им неуверенно и прошу разрешения говорить по-французски.

Меня проводят в большую гостиную. Пока мы идем в глубь комнаты, успеваю заметить, что стены сплошь увешаны портретами и гравюрами. Мебель старинная. Массивные керосиновые лампы. Свечи в бронзовых бра. Электричества в глухой словацкой деревне нет. Общий разговор за рюмками вина продолжается недолго. Любезные хозяева знают, что мне не терпится увидеть реликвии madame Alexandrine. Стол очищен. Вельсбург кладет передо мной небольшой, отлично сохранившийся альбом в зеленом кожаном переплете с тисненной золотом надписью «Album». Прошу разрешения делать заметки¹⁰ и принимаюсь рассматривать портреты. На мой взгляд, все они сделаны одной и той же рукой. Карандаш очень уверенный, довольно искусная расцветка акварелью, сходство большое, но все-таки это работа очень грамотного любителя, а не художника.

Я насчитал 29 портретов – каждый на отдельном листе. Они исполнены в 1851–1857 годах (большинство сделано в 1852 году, вероятно в связи с предстоявшим отъездом Александры Николаевны за границу). Почти на всех листах указаны имена и фамилии изображенных лиц, на многих имеются автографы. Преобладают портреты членов семей Пушкиных, Гончаровых и Ланских (15 листов), рисованные (за исключением одного) в 1852 году: Н. Н. Ланская, все ее дети от обоих браков, генерал П. П. Ланской, братья Александры Николаевны – Дмитрий, Иван и Сергей Николаевичи.

Портреты детей поэта представляют известный интерес, так как их облика в этом возрасте мы не знали. Карандашный портрет сорокалетней Натальи Николаевны с ее автографом («Natalie Lanskoу») не особенно удачен. Красивое лицо вышло напряженным, и сходство, как кажется, не схвачено.

К 1857 году относятся сделанные в Вене портреты барона Густава Фризенгофа, его сына от первого брака Григория и дочери Натальи – в то время трехлетней девочки в длинных кружевных панталончиках. Остальные портреты 1852 года изображают петербургских знакомых Александры Николаевны: князя П. А. Вяземского (? – портрет не подписан), генерала князя Н. А. Орлова и других. Интересен портрет «португалки» графини Юлии Павловны Строгановой, урожденной д'Альмейда, с ее подписью: «Julie comtesse Stroganoff – ce jour heureux»¹¹.

Престарелый Ксавье де Местр также поставил свою подпись под портретом.

На многих листах альбома имеется надпись рисовальщика «N. Lanskoу». На некоторых «Н. Ланск...» с энергичным росчерком¹².

Закрыв альбом, собираюсь просить разрешения обойти гостиную, но Вельсбург спрашивает меня, не хочу ли я еще посмотреть альбомы Ксавье де Местра. Знаю, что работ этого писателя-художника известно очень мало: миниатюра на кости – портрет Н. О. Пушкиной, несколько миниатюр и портрет князя Д. И. Долгорукого в России¹³, две незначительные акварели, хранящиеся в одном из французских провинциальных музеев, – вот и все. Французские исследователи предполагали, что художественное наследие Ксавье де Местра надо искать в Советском Союзе.

И вот в этом замке на берегу Нитры передо мной восемь больших альбомов, полных карандашных рисунков, акварелей, набросов пером, карикатур. Все прекрасно сохранилось. Ни один лист не помят. Наскоро просматриваю альбомы и вижу, что передо мной подлинное сокровище. Целая галерея портретов, и среди них много русских. Узнаю соотечественников по типу лиц и по военным мундирам. Есть немало и подписанных изображений – среди них небольшой акварельный портрет с надписью под ним «M. Tourguenieff, 1825», два женских портрета с аннотацией «G. Gagarine», несколько портретов красивой молодой женщины m-me Pashkoff (один из них с отметкой «1825, Petersburg») и много других. Особенно много карандашных набросков девочки, помеченных буквами «N. F.». Это, несомненно, будущая баронесса Наталья Ивановна Фогель фон Фризенгоф, урожденная Иванова¹⁴, первая жена барона Густава, впоследствии женившегося на Александре Николаевне Гончаровой. Ксавье де Местр, очевидно, поставил эти буквы позднее – уже после выхода ее замуж¹⁵.

Хозяева меня не торопят. Один за другим перелистываю альбомы, делаю заметки. Сотни и сотни прелестных тонких рисунков, по-французски изящных, немного холодных. Не все одинаково интересно. Итальянские акварели (1825–1839), сделанные в старости¹⁶ и занимающие два альбома, манерны и скучны. У де Местра нет дара пейзажиста – он портретист и карикатурист. Думаю о том, что когда-нибудь специалисты по иконографии александровских и николаевских времен изучат эти бродяжеские альбомы. Материалов здесь хватит на ряд монографий.

Один портрет особенно заслуживает внимания. Небольшой, тщательно сделанный карандашный рисунок в том же альбоме, что и M. Tourguenieff. Под ним подпись «X. M. 24 Mai» (года нет). Молодой человек лет 18–20. Голова в профиль влево и верхняя часть туловища. Густые курчавые волосы, чуть одутловатые губы. Очень похож на Пушкина, но уверенности у меня нет – портретов поэта в этом возрасте мы не знаем. Предупреждаю Вельсбургов о том, что этот рисунок, быть может, представляет очень большую ценность, и закладываю в альбом закладку с пометкой «Pouchkine (?)».

В одном из альбомов замечаю еще одну акварель – полукарикатуру, возможно изображающую Пушкина. Молодой человек с бакенбардами в зеленом сюртуке (% фигуры). Здесь я

совсем уже не уверен в атрибуции и хозяевам замка ничего не говорю. На всякий случай все же вкладываю закладку, надписав на ней «Pouchkine (??)».

Когда-нибудь специалисты внимательно просмотрят и рисунки, изображающие каких-то детей. Художник, несомненно, знал Пушкина мальчиком (до поступления в лицей), а среди датированных бродяжеских рисунков есть очень ранние (например, спящий кот с надписью «Vassili Ivanovitsch – 1810»).

Приходится расстаться с альбомами – времени очень мало, а я только начал осмотр здешних сокровищ.

«– Теперь я Вам покажу снимок madame Пушкиной и моей прабабушки, а Вы скажете, известен он Вашим специалистам или нет».

Георг Вельсбург подает мне большой, отлично сохранившийся дагерротип. В одинаковых платьях и чепцах сидят рядом Наталья Николаевна и Александра Николаевна. За ними и сбоку трое детей Пушкиных – сыновья в мундирах пажей и девочка-подросток (младшая дочь Наталья). Одна из девочек Ланских прижалась к коленям матери. Дагерротип снят не в ателье, а в комнате (видны книжные шкафы) и, по всей вероятности, относится к 1850 или, самое позднее, к 1851 году¹⁷. Наталье Николаевне было тогда 38–39 лет.

Беру большую лупу и долго смотрю на генеральшу Ланскую. Прекрасные, тонкие, удивительно правильные черты. Милое приветливое лицо – любящая мать, гордая своими детьми. Невольно вспоминаются задушевные пушкинские письма к жене. На известных до сих пор изображениях Натальи Николаевны, как мне кажется, нигде не передан по-настоящему этот немудреный, но живой и ласковый взгляд, который сохранила серебряная пластинка.

У ее сестры заострившиеся черты стареющей барышни. Тоже очень живое лицо, но совсем иное, чем у Натальи Николаевны. Пристальный, умный, но жестковатый взгляд. От этой сорокалетней особы можно ждать острого слова, но вряд ли услышишь ласковое.

«– Хороший дагерротип, не правда ли?»

«– Прекрасный... он нигде не воспроизводился, и, насколько, я знаю, это самый ранний снимок Пушкиной-Ланской.

«– Для вас, вероятно, будет интересен и этот альбом. Коллекция визитных карточек – ее составил брат моего прадеда Фризенгофа¹⁸, когда служил в посольстве в Петербурге».

Перелистываю большой альбом, в котором аккуратно наклеено множество карточек. Он действительно интересен, как интересно все в этом замке воспоминаний. Времена уже после-пушкинские – начиная с 1839 года¹⁹, но здесь весь большой свет столицы – тот самый, который знал поэта. И русская знать, и дипломатический корпус, и кое-кто из писателей, в том числе Жуковский. Есть и карточка отца Пушкина – Сергея Львовича. По просьбе хозяйки я делаю над ней карандашную надпись – русской азбуки никто в бывшем замке Александры Николаевны не знает.

Мы, наконец, встаем и начинаем обход гостиной. На стенах целая галерея портретов – величества, высочества, светлости, кавалерийские генералы в кирасах, молодые дамы и важные старухи прошлого и позапрошлого столетий. Я внимательно слушаю объяснения правнука Александры Николаевны, но с нетерпением жду, когда же мы перейдем к его русским предкам и родственникам.

Вот и они... Александра Николаевна привезла с собой много акварелей и миниатюр. Почти все очень хорошо сделаны. Некоторые надписаны известными художниками того времени. Все знакомые лица, но видишь их по-новому. Ни один из этих портретов не был опубликован. Вот Афанасий Николаевич Гончаров – благообразный старик в синем фраке (акварель работы Witt). Вот отец и мать Александры Николаевны – Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна Гончаровы, сама Александра Николаевна – еще молодая и миловидная, почти красивая девушка. Прелестный акварельный портрет тридцатилетней Натальи Николаевны (1842)²⁰.

Меня подводят к столику перед камином. На нем стоит очень хороший акварельный портрет молодого офицера в гусарском мундире, работы Hampeln. «Serge Gontcharoff», – говорит графиня Вельсбург, но это не Сергей, а Иван Николаевич Гончаров, служивший одно время в лейб-гвардии гусарском полку.

Хозяйка замка спрашивает меня, не может ли акварели повредить тепло от камина. С удовольствием вижу, что бродзянские реликвии в надежных, заботливых руках. Все стекла тщательно протерты, нигде ни пылинки. Я заранее чувствую, как их выявлению обрадуются специалисты-пушкинисты. Когда в Советском Союзе обнаруживают новый портрет кого-либо из людей, близких к Пушкину, его тщательно воспроизводят, издадут с подробными комментариями. Здесь же передо мной целый семейный музей никому не ведомых изображений.

Продолжаем осмотр. Среди портретов замечаю на стене небольшой гипсовый барельеф под стеклом с русской надписью: «Князь Петр Мещерский. Рим MDCCCXXXV». Один за другим мне показывают три портрета Натальи Ивановны Фогель фон Фризенгоф: большую акварель, надписанную «L. Fischer, 1844», миниатюру и большой парадный портрет масляными красками. На них изображена высокая красивая брюнетка с умным лицом южного и притом нерусского типа. Она разительно похожа на Ксавье де Местра, большой неподписанный портрет которого висит здесь же в гостиной. Настолько похожа, что когда я, с разрешения хозяев, беру со стола акварель Фишера и подношу к портрету старика-писателя, все со мной соглашались – отец и дочь. Итак, все противоречивые сведения о происхождении Натальи Ивановны оказываются неверными. В Бродзянах до наших дней сохранилось устное предание о том, что отцом Н. И. Ивановой был император Александр I. Русские источники почему-то считали ее внебрачной дочерью Ивана Александровича Загряжского. Таким образом, Александре Николаевне она будто бы приходилась теткой, а жене де Местра, Софии Ивановне, – единокровной сестрой. В действительности никакого родства между ними не было. Софья Ивановна просто удочерила внебрачную дочь своего мужа.

Я рассказываю ее историю Вельсбургам, не боясь их задеть – первая жена барона Густава им не родственница, но неожиданное решение загадки ее происхождения их все же интересует. По этому случаю хозяин замка достает из шкафа одну из книг, «принадлежащих де Местру»: Стихотворения В. Жуковского, т. 1, 1824. Списываю дарительную надпись (по-русски): «Графу Местру от Жуковского. В знак душевного уважения». Вельсбург прибавляет: «У нас есть и портрет Жуковского – увидите в столовой».

Все больше и больше увлекают меня бродзянские реликвии. Чего-чего здесь только нет... Русские хозяйки замка давно умерли, недавно похоронили и полурусскую, но все осталось на своих местах – сохранились даже карандашные надписи на косяке дверей из большой гостиной в малую. Здесь, по принятому в замке обычаю, отмечался черточкой рост родственников и близких знакомых. Мне показывают отметку с надписью «Nathalie Lanskoу». Точный рост Натальи Николаевны – такой отметки, вероятно, сейчас не найти больше нигде в мире. Очень мне хочется попросить метр и измерить, но на первый раз не решаюсь²¹.

Переходим в малую гостиную, продолговатую уютную комнату. Друг против друга большие парные портреты супругов Фризенгоф (масло) работы их дочери Натальи Густавовны. Оба уже глубокие старики. Александре Николаевне, должно быть, за семьдесят. Из-под черной наколки виднеется белый старушечий чепчик. Умное, строгое, но успокоившееся лицо. Нет в глазах прежней пронзительности. В кресле сидит очень степенная, важная старушка-баронесса, теща герцога Элимара Ольденбургского. Поэт здесь решительно ни при чем. Даже портрета его нет в замке – о рисунке де Местра, если он и изображает Пушкина, Александра Николаевна, вероятно, вообще не знала.

А изображение его убийцы – Дантеса имеется. Мы идем в столовую, и я сразу замечаю его портрет (сепия?), помещенный на видном месте. Портрет исполнен в 1844 году художником

S. Wagner. Внизу размашистая подпись «В-on G. de Heckeren». Сидящие за столом не могут не видеть молодого еще Дантеса (ему 32 года).

Большой литографированный портрет В. А. Жуковского с его русской подписью «Жуковский» висит на той же стене. На литографии имеется печатная надпись: «Nach der Natur gez. von Krüger. Lith. von Mayer»²². Есть также литография с портрета де Местра, висящего в гостиной, и ряд хороших «русских гравюр» (портретов и групп), как их издавна зовут в замке. Они принадлежали Александре Николаевне, но, по словам Вельсбурга, уже ее дочь не помнила, кого они изображают. Большинство гравюр работы Knichuber, издатель Höpeli. Все, кроме одной, исполнены в 1839–1844 годах.

За обедом говорим о покойной герцогине Наталье. Дочь, по-видимому, во многом была похожа на мать. Образованный и содержательный человек с большими художественными и литературными интересами. Живописи училась, кажется, в Вене и писала как настоящая портретистка. Манера у нее старомодная, но более чем грамотная. Очень любила общество художников и писателей. До глубокой старости ездила верхом. Мне показали фотографию – престарелая Наталья Густавовна сидит на коне по-мужски. Пристальный взгляд, как у матери на дагерротипе 1850–1851 годов, но лицо доброе. Говорят, она и на самом деле делала немало добра жителям Бродзян. Но чудаковата была *seigneuresse de Brodiany*, по крайней мере, в старости. В замке у нее постоянно жило не меньше десятка больших собак. Есть в Бродзянах и собачье кладбище с плитами, обсаженными барвинком, а поблизости от него герцогиня построила для себя какую-то странную не то оранжерею, не то стеклянную башню. Там зачастую и ночевала, находя, что в замке мало воздуха, причем горничной и зимой приходилось носить ей постельные принадлежности ночью по глубокому снегу. В России Наталья Густавовна никогда не бывала, но, кажется, от матери к доброй барыне перешли кое-какие крепостные навыки, весьма удивлявшие ее родственников в тридцатых годах нашего века.

После обеда прошу показать мне библиотеку. Раз в замке нет портрета Пушкина, вряд ли найдутся и его сочинения с автографами поэта, но проверить все-таки нужно. Для частного дома библиотека огромная – больше десяти тысяч томов. Она занимает целый зал, пристроенный к старому замку сравнительно недавно одним из Фризенгофов, собиравшим книги. Содержится библиотека в большом порядке. Есть и русский шкаф, но тщетно я ищу в нем старинные тонкие томики стихотворений Александра Пушкина. Нахожу только «посмертное издание» с изящным экслибрисом Натальи Густавовны (вид замка Бродзяны) и ее печатью. Я пытался выяснить, принадлежало ли оно Александре Николаевне или первой жене Фризенгофа (последнее вероятнее), но никаких отметок не обнаружил. Сама герцогиня, вероятно, приобрела бы более новое издание. Русского языка она к тому же, по-видимому, не знала.

В этом же шкафу я нашел ряд русских учебных книг сороковых годов, рассказы А. О. Ишимовой, альбом литографий Петербурга и поваренную книгу 1848 года с вложенным в нее русским рецептом кулича. Там же стоял переплетенный том немецкого журнала. Вельсбург обратил мое внимание на напечатанный в нем перевод известного письма Жуковского к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 года о последних днях и кончине поэта²³.

Итак, книг, подаренных поэтом Ази Гончаровой (а они несомненно у нее были), здесь нет. Жаль, конечно, но и отрицательный результат имеет некоторое значение. Не будь у нее неродственного сближения с Пушкиным, почему бы Александре Николаевне не увезти за границу дорогие пушкинские реликвии. И еще одно доказательство в пользу того, что рассказы княгини Вяземской, Араповой и других не выдумка: в разговоре со мной Вельсбург подтвердил то, что сообщил в письме от 28 января 1837 года. Герцогиня хотела сообщить мне, что ее мать неизменно отказывалась говорить с ней о Пушкине, находя, что это слишком деликатная тема для памяти ее сестры. Свидетельство интересное и совершенно новое, но, конечно, тема была весьма деликатной не для памяти Натальи Николаевны, а прежде всего для самой баронессы А. Н. Фогель фон Фризенгоф. В конце концов, Пушкин ведь законный муж, погиб-

ший на дуэли ради чести оклеветанной жены. Стыдиться его нет никаких оснований. Если уж нужно было кого-то чуждаться, то, конечно, Дантеса. Между тем его портрет здесь, в столовой, на глазах Александры Николаевны, ее дочери и всех посетителей замка, среди которых была и сама Наталья Николаевна Ланская. Неизвестно только, когда и как попал в Бродзяны этот портрет, рисованный, не забудем этого, всего через семь лет после дуэли.

Я уже собирался уходить из разочаровавшей меня библиотеки, но Вельсбург предложил мне просмотреть один из альбомов фотографий, принадлежавший Александре Николаевне. Времена, конечно, послепушкинские – 1862–1870 годы, но есть кое-что интересное. Неизвестная фотография Натальи Николаевны (1862), ее детей от обоих браков в разные годы, родственников семьи, знакомых.

Ужинаем мы вчетвером при свечах. В этой комнате сорок лет кушала Александра Николаевна. Так, вероятно, было и при ней – обыкновенные, хорошо приготовленные блюда, но сервировка прекрасная. На скатерти русского льна – бело-голубые тарелки старого мейсенского фарфора, великолепное серебро из приданого шведской принцессы, матери герцога Элимара, тонконогие бокалы чешского хрусталя. Вот и память об Александре Николаевне – на серебряной крышке блюда, принесенного горничной, ее русская монограмма «А. Г.».

Я чувствую себя немного уставшим от массы впечатлений за этот памятный день, но завтра надо ехать обратно, а мне еще о многом хочется расспросить хозяев. Оказывается, у Вельсбургов есть еще один замок, где-то в Австрии, и там тоже немало портретов. Есть какие-то и русские портреты и в имении Красно, в четырех километрах от Бродзян. Оно принадлежит потомкам брата барона Густава. Кто изображен на этих «русских портретах», сейчас уже никто не может сказать. Когда-нибудь, я надеюсь, очередь дойдет и до Красно, и до замка в Австрии.

Вечером мы долго беседуем в малой гостиной при мягком свете свечей. Сидим в тех самых старинных креслах, в которых сживали когда-то стареющие сестры – генеральша Ланская, приехавшая в гости из России²⁴, и баронесса Фогель фон Фризенгоф.

Ночую я в комнате с готическими сводами. Это самая древняя часть замка. Теперь здесь апартамент для гостей.

Утром, как и накануне, солнечно, но холодно – весна в этом году запоздала. После кофе иду с Вельсбургом пройтись по парку. Он невелик, но хорошо распланирован, в английском вкусе. Старые, толстые деревья – липы, дубы, ясени, вязы, лужайки с видами на замок, громадные кусты сирени. Им, вероятно, не меньше 100 лет. Небольшая белая беседка с ампирическими колоннами выстроена, должно быть, по желанию одной из русских хозяек Бродзян – в средней Европе ампирических построек почти нет. Ворота вроде яснополянских. Тоже напоминают Россию. О них я уже упоминал. Сам двухэтажный охряно-желтый замок сравнительно невелик и совсем не роскошен. В нижнем этаже – помещения для гостей и службы, во втором этаже – жилые комнаты. Не зная архитектуры, вида здания описывать не берусь. Оно красиво, но единого стиля во всяком случае нет. Одна часть построена в середине XVIII века, главный корпус, вероятно, в семнадцатом столетии, а библиотека пристроена уже в XIX веке. Когда-то все здание было окружено рвом, но Фризенгофы, приобретя замок, уничтожили этот остаток старины.

Из парка мы поднимаемся к часовне. Вельсбург открывает склеп. Первым от входа на бетонном постаменте стоит серебристый с золотом гроб Александры Николаевны с немецкой надписью на щитке²⁵:

FREIFRAU ALEXANDRINE VOGEL VON FRIESENHOFF
GEBORENE GONTSCHAROW
1811 † 9 VIII 1891

Итак, Александра Николаевна скончалась восьмидесяти лет от роду, в последнем десятилетии прошлого века. С глубоким волнением я смотрю на гроб этой женщины, которая была так близка Пушкину, что в своей семье ей одной он сказал о предстоящей дуэли.

В замке мне показывают ее вещи: письменный стол, привезенный из России, столовое серебро, массивные очень хорошие вещи, маленькие настольные часы под стеклянным колпаком – очень скромный подарок императрицы фрейлине Гончаровой, несколько печатей для писем (одна из них с гербами Фризенгофов и Гончаровых).

Молодая хозяйка замка старается не пропустить ничего, что, по ее мнению, может меня заинтересовать. На пальце у нее старинное золотое кольцо с большой бирюзой. Графиня снимает его и подает мне:

«– Вот, посмотрите... Оно перешло ко мне после смерти герцогини, а ей досталось от матери. Говорят, у вас в России был обычай дарить такие кольца невестам на счастье.

«– Это кольцо известно в литературе, его носил Пушкин...»

Я передаю удивленным слушателям (при разговоре присутствовал Георг Вельсбург и мать графини) известный рассказ В. Ф. Вяземской, записанный Бартевым. Трудно предположить, чтобы у Александры Николаевны было два одинаковых кольца. Значит, это то самое, которое у нее на время взял Пушкин. Никогда не думал, что мне будет суждено его увидеть и держать в руках.

Но это еще не все. Меня приглашают в спальню посмотреть драгоценности Натальи Густавовны. На дне шкатулки замечаю тонкую золотую цепочку, потемневшую от времени.

«– Может быть, и это будет Вам интересно. Она принадлежала *madame Alexandrine*».

Молча кланяюсь, беря в руки эту цепочку. Пожалуй, самая волнующая реликвия из всех, которые я видел в Бродянах. Поведать ее историю хозяевам замка не решаюсь. Доказать этого нельзя, но, быть может, это та самая цепочка, которую смертельно раненный поэт просил Вяземскую передать Александре Николаевне после его смерти и притом непременно без свидетелей.

Отдыхая перед отъездом в отведенной мне комнате, я мысленно подвожу итоги своей разведывательной поездки. Архивы мне показать не предложили и, едва познакомившись с хозяевами, я не считал возможным об этом просить. Надо подождать.

Все, что я узнал и увидел в Бродянах, заставляет думать, что автографы Пушкина разыскивать здесь безнадежно. Если они и были у Александры Николаевны (что очень вероятно), то, выйдя замуж за Фризенгофа, с собой за границу она их во всяком случае не взяла.

Вельсбург сказал мне, что писем на русском языке в семейном архиве нет. Удивляться этому не приходится – сестры Гончаровы и с братьями переписывались по-французски. Иногда только вставляли русские слова. Мне очень хотелось узнать, есть ли здесь какие-либо письма Натальи Николаевны, но хозяин замка ответил уклончиво – он не помнит. Очень возможно, что старинных писем прабабки он вообще не разбирал. Сказал только, что у него хранится переписка барона Густава с братом Адольфом. Все письма на немецком языке²⁶.

Из документов архива Вельсбург показал мне только пакет, видимо заранее отобранный перед моим приездом, с непонятной для него официальной бумагой на русском языке. Пакет № 769 адресован: «A son Excellence Madame Alexandra Nikolaevna Gontscharov»²⁷. В нем оказалось извещение Министерства императорского двора о том, что их величества изъявляют согласие на брак флейлины Гончаровой (текста извещения я не переписал).

Вернувшись в Прагу, я узнал, что о моей поездке, которую я для успеха начатых розысков держал в секрете, стало известно А. М. Игумновой, постоянно жившей в Словакии и бывавшей в Бродянах при жизни Натальи Густавовны. Я списался с А. М. Игумновой, и мы условились о том, что впредь до опубликования моих материалов тайна будет сохранена. В письме от 5 июля 1938 года из Писчан²⁸ А. М. Игумнова сообщила мне данные, подтверждавшие мое предполо-

жение об отсутствии пушкинских автографов в Бродзянах: «Сама я прожила в Бродзянах три лета, но, несмотря на все усилия, не нашла и не узнала там ничего, относящегося к Пушкину, равно как и не знаю, кто рисовал портреты»²⁹.

В письме также была приведена характеристика Натальи Густавовны, совпадающая с моими впечатлениями, вынесенными из Бродзян: «Покойная Наталья Ольденбург была чрезвычайно интересная и оригинальная женщина. Она умерла в глубокой старости и всю жизнь прожила так, как будто никаких войн и переворотов не существовало. Она занималась музыкой, живописью, поэзией и окружала себя очень интересными людьми»³⁰.

Не приходится сомневаться в том, что эта весьма культурная женщина (но вполне иностранка, несмотря на полурусское происхождение) действительно пробовала расспрашивать мать о Пушкине, как она хотела мне сообщить за несколько дней перед смертью.

Перед отъездом из замка Вельсбург я получил приглашение снова приехать в Бродзяны во время пасхальных каникул следующего, 1939 года. Оно меня очень обрадовало. Заранее решил, что попрошу на этот раз разрешения привезти с собой фотографа, специалиста по портретам и музейным вещам. Буду подробно описывать, измерять, сравнивать. Быть может, познакомившись поближе, хозяева покажут мне и архив. Очень возможно, что в нем есть письма жены поэта за 1831–1834 годы, когда сестры жили врозь. Может оказаться и многое другое, о чем заранее не догадываешься.

Моим надеждам не суждено было осуществиться. Перед самой Пасхой 1939 года, 15 марта, в Прагу вошли танки Гитлера, Чехословакия временно была разрезана на куски. Во вновь организованное немцами Словацкое «государство» я ехать не мог. Письма туда шли плохо. Переписка с Бродзянами прекратилась.

Впоследствии я долгое время ничего не знал о судьбе замка и хранившихся в нем реликвий. В настоящее время я получил возможность ознакомиться с работами братиславского профессора А. В. Исаченко, исследовавшего бродзянские материалы после окончания Второй мировой войны. Критика пушкиноведческих высказываний этого автора в мою задачу не входит. Я ограничусь кратким изложением некоторых мест его работ, поскольку они непосредственно касаются материалов, обнаруженных в Бродзянах.

В 1946 году А. В. Исаченко опубликовал в братиславском журнале «Свободное радиовещание» первую краткую статью о Бродзянах (на словацком языке) «Родственники Пушкина в Словакии»³¹. Она предназначена для массового читателя и занимает всего одну страницу. Интересно сообщение Исаченко о том, что в Бродзянах якобы состоялась встреча Натальи Николаевны с Дантесом: «Наталья Пушкина-Ланская несколько раз гостит у Фризенгофов в Бродзянах. При одном из этих посещений она даже (dokonca) встречается с убийцей своего мужа Дантесом ван Геккерном, и кажется, что эта встреча уменьшила напряжение (parätie) между ними». К сожалению, автор не указывает, на чем основано его довольно сенсационное сообщение, и не приводит никаких подробностей, в том числе и даты встречи.

На третьей странице обложки журнала воспроизведены в виде фотомонтажа следующие пять портретов, найденные Исаченко в Бродзянах: 1) Александра Николаевна Гончарова в молодости (около 1830 года), 2) барон Дантес-Геккерн (портрет 1844 года, висевший в столовой), 3) баронесса Наталья Ивановна Фогель фон Фризенгоф, 4) Наталья Николаевна Ланская (около 1860 года – фотография), 5) баронесса А. Н. Фогель фон Фризенгоф (1873 год – фотография). Все эти изображения я видел во время посещения замка в 1938 году. Шестая фотография монтажа – часть французского письма Натальи Николаевны Пушкиной. Хотя текст прикрыт соседними портретами, фрагменты 9 строк (четыре перед подписью и неполных пять ниже ее) позволяют установить, что это окончание письма А. И. Тургеневу от 10 марта 1843 года, воспроизведенное, очевидно, по факсимиле³².

В следующем, 1947 году, этот же автор поместил в журнале «Словацкое обозрение» довольно подробную статью «Пушкиниана в Словакии»³³. Работа хорошо оформлена, и к ней приложены отличные репродукции нескольких портретов. Значительная часть статьи, написанной отчасти по материалам бродянского архива, посвящена биографии первой жены Густава Фризенгофа, Натальи Ивановны, урожденной Ивановой. Автор приводит большую выдержку из свидетельства о бракосочетании Натальи Ивановны, в котором она именуется: «Fräulein Natalie Iwanoff geboren zu Tamboff in Russland, Tochter des bereits verstorbenen Herrn Johann Iwanoff und Adoptivtochter der Frau Gräfin von Maistre, Griechischer Confession»³⁴.

Дан также полный текст русского свидетельства о смерти Натальи Ивановны (в словацкой транскрипции). Она скончалась в Петербурге 12 октября 1850 года и погребена в Александро-Невской лавре. Дата рождения Ивановой-Фризенгоф, по-видимому, осталась автору неизвестной. Независимо от меня, А. В. Исаченко также обратил внимание на большое сходство Натальи Ивановны с Ксавье де Местром; по его мнению, «не исключена возможность, что она была внебрачной дочерью графа»³⁵.

Строго говоря, эта женщина, приемная дочь тетки Н. Н. Пушкиной, никакого отношения к поэту не имела, хотя в пушкиноведческих работах ее фамилия все же упоминается.

Однако из писем Густава Фризенгофа к брату, многочисленные выдержки из которых (в словацком переводе) приводит Исаченко, видно, что, приехав с мужем в Петербург в 1839 году, Наталья Ивановна вскоре сблизилась и постоянно встречалась с женой поэта и с Александрой Николаевной. «Когда у Фризенгофов родился сын Григорий»³⁶, – пишет Исаченко, – они переселились в имение Михайловское..., где семья австрийского дипломата жила под одной крышей с вдовой Пушкина и Александриной»³⁷.

Уехав из Петербурга в 1844 году, Фризенгоф с женой снова возвращается туда в 1850 году, но осенью этого года Наталья Ивановна умирает. В недатированном письме (по предположению Исаченко, март 1852 года) Фризенгоф сообщает брату: «Когда моя Наталья перед своей смертью переехала в город, Александрина, больше располагавшая свободным временем, была ее постоянной собеседницей, а в последние печальные дни и ее неутомимой сиделкой»³⁸.

Таким образом, Наталья Ивановна очень близко знала и вдову поэта, и его любимую свояченицу. Биографические сведения о Фризенгоф-Ивановой, сообщенные Исаченко, быть может, со временем окажутся полезными пушкинистам.

Интересны также отзывы Густава Фризенгофа об Александре Николаевне, впоследствии ставшей его женой, и в особенности о Наталье Николаевне.

«Frau von Puschkin, – пишет он в одном из первых писем, – и ее незамужнюю сестру мы видим каждый день; госпожа Загряжская («la tante» семьи Пушкина) живет с ними в особняке рядом с нами. Она (Наталья Николаевна) красива, но не так красива, как я думал; ее лицо не выразительно, и, как кажется, оно в этом отношении не обманывает; она кажется мне добросердечной особой и это все»³⁹ (письмо от 7 июля/25 июня 1839 года).

Е. И. Загряжскую Фризенгоф не любил и отзывался о ней весьма критически: «...они (Н. Н. Пушкина и ее сестра. – Н. Р.) значительно способствуют тому, чтобы салон моей остроумной тетки, который уже по самой своей природе скучнее всех на свете, был несколько менее скучен»⁴⁰ (письмо от 1 августа/20 июля 1839 года).

В своей статье Исаченко отводит много места характеристике сестер Гончаровых, их взаимоотношениям, семейной жизни Пушкина, его роману с Александрой Николаевной. Для русского читателя эти страницы мало интересны, и касаться их я не буду.

Представляет интерес письмо Фризенгофа к брату от 7 марта 1837 года. Барон Густав пересказывает в нем содержание письма Е. И. Загряжской к сестре, С. И. де Местр, о дуэли и смерти Пушкина. А. В. Исаченко наряду с переводом приводит подлинный немецкий текст

документа. Новых данных письмо Загряжской не содержит. История последней дуэли поэта излагается соответственно официальной версии, созданной его друзьями. В этом отношении достаточно характерны следующие строки: «Puschkin war von der Unschuld seiner Frau, die ihn leidenschaftlich liebte, so völlig überzeugt, dass er vom ersten Augenblick bis auf dem Todtenbett nicht aufgehört hat ihr dieses Zeugniß zu versichern»⁴¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.